

УДК 101.1: 141: 316.334.4

DOI 10.25205/2541-7517-2020-18-2-118-128

Нормативная правовая текстуальность как один из модусов выражения правосознания

З. Л. Сакаева

*Омский государственный аграрный университет
Омск, Россия*

Аннотация

Осуществляется социально-философский анализ феномена правосознания. Исследуется один из модусов правосознания – нормативная правовая текстуальность, поскольку она является средством транскрибирования феномена правосознания. Вне классических представлений юриспруденции и философии проведена рефлексия категорий: правосознание, текст, нормативно-правовой акт, дискурс, автор. Субъектами-участниками процесса создания нормативно-правового текста являются: повествователь, автор (разработчик), адресат. Особенность авторов проектов нормативно-правовых актов в том, что их правовой статус достаточно ограничен по сравнению с правовым статусом авторов любых других результатов интеллектуальной деятельности. Адресатами проектов нормативно-правовых актов являются государственные органы, тогда как адресатами текстов нормативно-правовых актов являются субъекты права. Для своих адресатов адресанты текстов нормативно-правовых актов всегда остаются лицами *incognito*.

Ключевые слова

правосознание, текст, нормативно-правовой акт, дискурс, автор

Для цитирования

Сакаева З. Л. Нормативная правовая текстуальность как один из модусов выражения правосознания // Сибирский философский журнал. 2020. Т. 18, № 2. С. 118–128. DOI 10.25205/2541-7517-2020-18-2-118-128

Normative Legal Textuality as One of the Modes of Expression of Legal Consciousness

Z. L. Sakaeva

*Omsk State Agrarian University
Omsk, Russian Federation*

Abstract

The paper offers a philosophical analysis of the phenomenon of legal consciousness. We study one of the modes of legal consciousness – normative legal textuality, since it is a means of transcribing the phenome-

© З. Л. Сакаева, 2020

ISSN 2541-7517

Сибирский философский журнал. 2020. Т. 18, № 2
Siberian Journal of Philosophy, 2020, vol. 18, no. 2

non of legal consciousness. Outside of the classical concepts of jurisprudence and philosophy, the following categories were reflected upon: legal consciousness, text, normative legal act, discourse, and author. The subjects in the process of creating a normative legal text are: narrator, author (developer), and addressee. The distinctive feature of the authors of draft legal acts is that their legal status is quite limited compared to the legal status of the authors of any other results of intellectual activity. The addressees of draft normative legal acts are state bodies, while the addressees of texts of normative legal acts are subjects of law. For their addressees, the addressers of the texts of legal acts always remain incognito persons.

Keywords

legal consciousness, text, normative legal act, discourse, author

For citation

Sakaeva Z. L. Normative Legal Textuality as One of the Modes of Expression of Legal Consciousness. *Siberian Journal of Philosophy*, 2020, vol. 18, no. 2, p. 118–128. (in Russ.) DOI 10.25205/2541-7517-2020-18-2-118-128

Говоря о правосознании, мы мыслим об объекте, находящемся как бы внутри своего субъекта (человека, группы, общества). Можно предположить, что этот объект, оставшись однажды невостребованным в качестве функции деятельного социального субъекта, с необходимостью прекратил бы своё существование за ненадобностью ещё при жизни человека. Но этого не происходит, значит, что-то заставляет человека непрестанно обращаться к правосознанию как к функции, деятельности, знанию. Правосознание субъекта реактуализируется стремлением человека к порядку, вне которого невозможно сохранение жизни человека, обеспечение её безопасности. Именно этим стремлением объяснимо создание нормативно-правового текста как некоей субстанции материальной природы, в которой отчасти находит своё воплощение правосознание, то есть нормативно-правовой текст являет собой некую внешнюю, материальную форму, содержание которой призвано быть заполненным правосознанием. Отсюда следует, что нормативно-правовой текст есть средство для понимания причин тех или иных правовых явлений, а обращаясь к такому тексту, мы одновременно обращаемся к правовому сознанию с целью понимания оснований и мотивов поведения его носителя.

Необходимость изучения нормативно-правового текста, постановки проблемы нормативно-правовой текстуальности правосознания с философской позиции объясняется тем, что правосознание и правовые феномены никогда не даны нам «как таковые», то есть вне системы знаков. Нормативно-правовой акт, источники права в целом представляют собой знаковые системы, продуцируемые в обществе в рамках знаковой формации, а источником этих систем является правосознание.

В [Сакаева, 2016] обозначена роль субъекта-носителя правосознания в конструировании правовой реальности. Цель данной статьи: сформулировать перечень особенностей нормативно-правового дискурса. Задачи: а) обозначить субъектов,

участвующих в формировании нормативно-правового текста; б) определить особенности формирования матрицы нормативно-правового текста.

Текст как знаковая система являлся центральным объектом исследования философов-постмодернистов: Р. Барта, Леви-Стросса, М. Фуко, Ж. Деррида, Ж. Лакана. Вслед за этими философами мы продолжаем структуралистский анализ текста, при этом нами сужен объект исследования: от общих понятий о дискурсе к нормативно-правовому дискурсу и тексту.

Структуралистский подход как метод исследования позволяет выйти за пределы классического подхода юридической техники правотворчества, интерпретации, систематизации, правореализации и посмотреть на текст с позиции «не юриста». Он позволяет расширить границы толкования нормативно-правового текста посредством обращения к категориям означающего и означаемого, знака, языка. Применение структуралистского подхода является необходимым этапом, прохождение которого обеспечивает возможность совершения деконструкции нормативно-правового текста и обнаружения за ним самого феномена правосознания.

Нормативно-правовой текст мы относим к повествовательному жанру и рассматриваем как повествовательный текст. Это повествование осуществляется на искусственном языке (письменном и устном). Искусственным он является за счёт используемой специальной юридической терминологии, разрабатываемой юридическими науками. Повествует, рассказывает нормативно-правовой акт, имеющий в качестве основы континуум имплицитных единиц (предложений), каждое из которых содержит в себе дискурс, т. е. некие высказывания: дозволения, предписания и т. д.

Субъекты и предикаты в тексте нормативно-правового акта подчиняются законам фразовой структуры. Предложение, составляющее положение закона, можно описать с точки зрения фонетической, грамматической, контекстуальной. Все эти уровни анализа предложения, его конструирования важны. Фонема значима, когда соединяется с другими фонемами в слове, слова приобретают смысл, когда соединяются в предложении.

Предложение, в рамках которого сформулирована норма права, подчиняется риторическим логикам описания, как и предложение любого другого повествования. В античной риторике [Барт, 2008] выработано два плана описания: *dispositio* и *elocutio*. В соответствии с *dispositio* («расположение») речь разделяется на вступление, изложение, разработку и заключение, *elocutio* направлено на выбор и комбинаторику слов.

Р. Барт различает в повествовательном произведении три уровня операции описания: уровень «функций» (ядерная функция, катализаторы, индексы, информанты, а также смешанные функции), уровень «действий», уровень «повествова-

ния», связанные отношением последовательной интеграции [Барт, 2008]. Функция раскрывает своё значение, когда сопряжена с действиями конкретного агента, а действие значимо при условии, что оно доводится до сведения окружающих. Под функцией [Там же] Р. Барт понимает единицу, превосходящую по размерам предложение либо больше или меньше предложения, а именно: группу предложений, произведение в целом, синтагму, слово, отдельные литературные элементы внутри слова, монуему. Цель функции – донести значимое в дискурсе. «Единицей» принято считать любой сюжетный элемент, связанный с другими отношениями корреляции. Одно предложение может содержать в себе информацию о двух функциях с разным значением. Если эксплицировать сказанное в нормативное поле, к примеру, в рамках отрасли конституционного права, то обнаружим следующее: в статье первой Конституции РФ 1993 года перечислены основы конституционного строя современного российского государства, через это перечисление раскрывается несколько функций¹. Первая функция заключается в информировании о характеристиках общественного и государственного строя РФ, а вторая функция указывает на непосредственное означаемое, а именно: что Российская Федерация как государство репрезентирует себя лишь через континуум перечисленных основ, отсюда создаётся очень сильная корреляция, поскольку если исключить одну из основ, то мы уже говорим о качественно ином государстве. Приведём ещё один пример, но уже из гражданского права: обращение к категории «разумный срок». Эта категория (фраза) является целостной функциональной единицей, поскольку вызывает представление о высоком уровне развития правосознания. Законодатель допускает возможность обращения участника правоотношений к категории «разумный срок», когда по каким-либо причинам стороны не предусмотрели срок исполнения обязательства на уровне соглашения, и при условии, что временные рамки не регламентированы в тексте нормативно-правового акта. В этом случае законодатель возлагает решение вопроса о продолжительности срока для конкретного правового поведения, об оценке разумности определённого срока на самих участников правоотношений. Законодатель доверяет, рассчитывает на адекватную оценку и понимание данной категории субъектами правоотношений.

Таким образом, часть нормативно-правовых текстов обладает высокой степенью функциональности: Гражданский кодекс, Трудовой кодекс РФ и др. законы; в них закреплена функция «делать». Другие отличаются сильной акцентацией индексов (Конституция РФ, Декларация прав и свобод человека и гражданина, отдельные статьи законов, посвященные принципам права в данной области право-

---

¹ Конституция РФ от 12.12.1993. URL: www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399 (дата обращения 25.11.2019).

отношений); за ними прочитывается функция «быть». Между собой тексты отличаются большей или меньшей степенью функциональности, индексности. При этом функциональные единицы отличаются между собой степенью значимости в дискурсе. Р. Барт делит функциональные единицы на кардинальные («ядерные») и функции-катализаторы, обладающие вспомогательным характером [Барт, 2008]. Функция является кардинальной, если действие, указанное в тексте нормативно-правового акта, открывает или закрывает некую альтернативную возможность, определяющую дальнейшую ситуативную и поведенческую картину. Например, в случае явки или обнаружения места пребывания гражданина, объявленного умершим, суд отменяет решение об объявлении его умершим. В этой норме заключена ядерная функция. Катализаторы описывают формальную, процессуальную сторону процесса. Появление гражданина, признанного умершим, влечёт за собой возврат его в поле правовой реальности, в частности это влечёт возврат ему сохранившегося имущества (ст. 46 ГК РФ)². В этой норме заключена функция-катализатор. Отсюда: ядерные функции несут логическую нагрузку, катализаторы играют обслуживающую роль.

Текст нормативно-правового акта наряду с индексами содержит информанты. Если означаемые индексов имплицитны, «посажены» в текстовую матрицу автором осознанно, требуют дешифровки, то означаемые информантов эксплицитны и несут готовые, полные, ясные сведения, такова их цель – быть ясными и полными, создавать ситуацию комфортного прочтения, принятия и усвоения нормы права. Таким образом, текст нормативно-правового акта изобилует ядерными функциями, катализаторами, индексами и информантами. Центральной функцией, которую дополняют все остальные единицы, является ядерная функция. В повествовательном тексте может не быть других функций, но ядерная функция есть всегда [Барт, 2008].

Повествовательный анализ текста, основывающийся на процедурах сегментации, имеющей своим результатом появление дискретных единиц, и интеграции, соединяющей эти единицы в смысл, показал следующие особенности нормативно-правового текста (дискурса).

А. Специфика нормативно-правового текста заключается в том, что в нём задаётся синтаксис человеческих поступков. Законодатель определяет минимальный, универсальный сюжет поведения человека. Но эта логика рекомендательная, не наполненная жизненной энергией, потому что законодатель никогда не узнает,

---

² Часть первая Гражданского кодекса РФ от 30.11.1994 № 51-ФЗ. URL: ivo.garant.ru/#/document/10164072/paragraph/88:1 (дата обращения 25.11.2019).

воспользовался ли актант логикой законодателя (например, ст. 18 ФЗ «О защите прав потребителей»).

Б. Язык нормативно-правового текста достаточно синтетичен, так как содержит несколько смысловых координат; в той или иной статье нормативно-правового акта могут содержаться несколько означаемых. Так, ст. 45 ГК РФ включает: гарантию отмены решения суда в случае явки гражданина, признанного умершим, восстановление его в имущественных правах; данное событие включается в более широкий контекст отношений: защита гражданина государством, восстановление в трудовых правах, социальное обеспечение и т. д.

В. Текст нормативно-правового акта находится в сугубо констативном регистре, но не в перформативном, повествование ближе к монологу, нежели к диалогу. Между кодом нормативно-правового регламентирования (повествования) и кодом языка расположено пространство предложений.

Г. Автор очень часто (всегда, когда речь о тексте нормативно-правового акта) использует безличные обороты, что связано с анонимностью автора.

Д. Текст любого нормативно-правового акта утверждает сверхязыковую реальность – историю, поскольку сообщает и выражает то, что происходит в правосознании и правовой реальности. Каузально-генетическое объяснение текста нормативно-правового акта в его связи со временем разработки, обстоятельствами, в которых он был написан, в целом с контекстом даёт возможность понять текст, вывести его смысловые аспекты из контекста или же свести смысл к контексту.

Е. Нормативно-правовое письмо атонально (без интонации), ведь субъект скрыт; его цель – точность описания правила поведения.

Итак, мы пришли к выводу, что нормативно-правовой дискурс снабжён различного рода функциями, которые определяют специфику повествования в нормативно-правовом тексте. Теперь обратим фокус внимания на того, кто говорит в тексте и того, кто его читает. Есть тот, кто пишет нормативно-правовой текст, а значит, и говорит через него (адресант), и есть тот, кто его читает, его адресат.

Область нормативно-правовых актов как одного из видов нормативно-правового текста – это область, «устрашающая» возможностью применения мер государственного принуждения (мер юридической ответственности). Знание о существовании карательного аппарата, к сожалению, не позволяет правосознанию свободно погрузиться в наблюдение о нормотворческом процессе того или иного нормативно-правового акта, поскольку в человеке срабатывают некие бессознательные механизмы, блокирующие процесс познания. Эти механизмы основываются на определённых социально-культурных стереотипах мышления, детерминирующих работу правосознания, при этом одни стереотипы полезны, другие же – вредны для ориентации в пространстве правовой реальности. Ситуация неведения

и отсутствия интереса к миру правовых явлений, например, к процессу, предшествующему введению в действие нормативно-правовых актов, транспортирует, с одной стороны, идею о важности включённости субъекта в нормативно-правовой дискурс, и, с другой стороны, идею о том, что в первую очередь гражданин должен исполнить предписание нормативно-правового акта, понимание же нормативно-правового положения (текста) – вторично.

Парадигматическая структура нормативно-правового текста основана на дуадах: субъект – объект, адресат – адресант, помощник – противник. Поскольку объектом правового регулирования являются правоотношения, то субъект правоотношений как элемент структуры правоотношений является одновременно объектом правового воздействия, адресатом нормативного предписания, помощником. Интерес представляет вопрос о том, кто является адресантом нормативно-правового текста и есть ли место автору в правотворческом процессе? С точки зрения авторского права позиция по этому вопросу однозначна: авторство в контексте нормативно-правовых актов категория некорректная. При этом категория авторства применима к проектам нормативно-правовых актов. Охрана авторства проектов официальных документов регламентирована в ст. 1264 ГК РФ³, и она обеспечивается автору (разработчику) даже в том случае, если проект нормативно-правового акта не был обнародован. Нормативно-правовые акты не содержат указания на конкретные личности, являющиеся их авторами (разработчиками). Действительно, в конце нормативно-правового акта всегда предусмотрена подпись ответственного должностного лица (например, для федерального закона – подпись Президента РФ). Подпись является резолюцией, придающей нормативно-правовому акту законную силу, но она не является подписью автора.

Автор – это лицо, творческим трудом которого создано произведение. Автором может быть только физическое лицо, а предметом авторского права может быть лишь произведение науки, литературы и искусства. Гражданское законодательство РФ не охраняет в качестве объекта авторских прав нормативно-правовые акты, следовательно, с позиции закона у нормативно-правового акта нет автора. Объектом авторских прав, несмотря на то что является, по сути, результатом интеллектуальной деятельности человека, нормативно-правовой акт не является. Кроме того, проект нормативно-правового акта не входит в перечень результатов интеллектуальной деятельности человека, приведённый в ст. 1225 ГК РФ и имеющий исчерпывающий характер. Но, поскольку законодатель признаёт за автором проекта официального документа права автора (хотя, надо отметить, в очень ограни-

---

³ Часть четвёртая Гражданского кодекса РФ от 18.12.2006 № 230–ФЗ. URL: <https://base.garant.ru/10164072/7d7b9c31284350c257ca3649122f627b/> (дата обращения 25.11.2019).

ченном объеме: только право авторства и право на имя), логично включить его в перечень ст. 1225 ГК РФ. На этом можно было бы и завершить структурный анализ нормативно-правового текста, поскольку структурный анализ имеет в качестве своего объекта произведение.

Автор – создатель какого-нибудь произведения. Произведение – создание, продукт труда, творчества [Ожегов, 2016]. Таким образом, нормативно-правовой текст официального документа не является объектом авторского права, этот факт не оспаривается, но вне сомнения и то обстоятельство, что проект нормативно-правового акта является результатом творческой деятельности людей (законотворческой группы, аппарата Президента РФ и т. д.). Эти субъекты обладают авторскими правами на текст проекта нормативно-правового акта, но не обладают ими на текст нормативно-правового акта, общество не знает их в лицо и по имени, это лица *incognito*, представляющие интересы всего населения страны.

Кто бы ни был разработчиком нормативно-правового акта, он участвует в осуществлении государственной власти через слово нормативно-правового акта. Создавая функциональный язык, он формулирует норму, закрепляя её в тексте статьи, тем самым подготавливая средство для трансформации правосознания и правовой реальности.

Отличие писателя произведения от разработчика текста нормативно-правового акта в том, что писатель отождествляет себя со своим словом, тогда как разработчики нормативно-правового акта не имеют в себе авторских, личностных позиций, в силу чего отождествления не происходит. Последних можно именовать как «пишущих», людей «транзитивного типа» [Барт, 1989], клириков. Нормативное слово не является самоцельным деянием, а является результатом деятельности клириков. Транзитивность участников правотворческого процесса заключается в том, что перед ними ставится цель: зафиксировать, показать, раскрыть, довести до сведения, создать порядок, свидетельствовать, но не объяснить, не учить. Зафиксированное в тексте нормативно-правового акта слово является средством для достижения закреплённых в нём задач.

Функциональный язык нормативно-правового текста является коммуникативным орудием, поскольку несёт в себе деятельностьную мысль, что соответствует деятельностному подходу в праве [Червонюк, 2003] как способу правопознания, использование которого позволяет охарактеризовать нацеленность права, его норм и институтов на достижение фактических результатов, тех целей, которые вытекают из права. Разработчик текста нормативно-правового акта не осуществляет над текстом сущностного, онтологически важного действия, доказательством чего является недопустимость отражения в тексте индивидуального стиля, стандартизация и универсализация стиля. Цель, которая ставится в коммуникативном

проекте нормативно-правового текста, заключается в создании нормы соответствующей критериям: однозначности и бесспорности позиции законодателя. Таким образом, слово нормативно-правового текста транзитивно, ему не позволительно быть многозначным, оно не может содержать в себе вопроса, не должно вносить неопределённости.

В нормативно-правовом тексте мы не найдём личностей, зато в качестве субъектов права, обозначенных в тексте, мы обнаруживаем агентов действия (актантов), которые включены в парадигматические структуры текста: субъект – объект, адресат – адресант, помощник – противник, добросовестный приобретатель – собственник, продавец – покупатель и т. д.

Как отмечал Леви-Стросс, «общество состоит из общающихся друг с другом индивидов и групп» [Леви-Стросс, 1985], при этом коммуникация не может окончательно и бесповоротно прекратиться либо всегда наличествовать на одном и том же уровне, она реализуется, пока существует человеческое общество. Оппозиции «личность – символ», «ценность – знак» ввёл Леви-Стросс, анализируя три уровня коммуникации, существующие в любом обществе (женщин, имущества и услуг, сообщений) [Леви-Стросс, 1985]. Так, коммуникация «договорная» отражает оппозицию «ценность (товары, услуги) – знак»; коммуникация «семейная» – «личность и символ».

Нормативно-правовой текст закона является объектом коммуникативного акта между подателем (термин Барта [Барт, 2008]), в качестве которого выступает законодатель, и получателем (правоприменителем). Более того, с нормативно-правовым текстом образуется пространство коммуникативных актов между субъектами правоприменения. Это пространство усложняется за счёт новых нормативно-правовых текстов. Податель (он же повествователь) в коммуникативном акте с участниками правоприменительной деятельности скрывает своё личностное множество, имена законотворческой группы. Он выступает как безличное глобальное правосознание, форма которого совсем не ясна (народное, государственное, корпоративное). Это правосознание стоит в основе правопорядка, имеет надличностный характер. У него нет цели создать впечатление «народного», оно содержит индекс отстранённости, указывающий на своё означаемое – волю государства. С одной стороны, повествователь имманентен субъектам коммуникативных актов, но с другой стороны – отстраняется, как только отсылает к санкциям, он не ориентирован на одного субъекта более чем на другого (продавца или покупателя, истца или ответчика и т. д.), поскольку безучастен к социальным ролям субъектов коммуникативных актов.

Таким образом, мы обнаруживаем, что у правосознания нет и не может быть оппозиционной пары, при этом есть диалектическая – мать/сын (правосознание –

нормативно-правовой текст), представляющая собой дистилляцию квинтэссенций правосознания.

Список литературы / References

- Барт Р.** Писатели и пишущие // Барт Р. Избранные работы: Семиотика: поэтика / Под ред. Г. К. Косикова. М.: Прогресс, 1989. С. 133–141.
- Bart R.** Pisateli i pishushchie. In: Kosikov G. K. (ed.). Barthes R. Izbrannye raboty: semiotika: poetika. Moscow, Progress, 1989, p. 133–141. (in Russ.)
- Барт Р.** Введение в структурный анализ повествовательных текстов // Барт Р. Нулевая степень письма / Под ред. Г. К. Косикова. М.: Акад. проект, 2008. С. 353–406.
- Barthes R.** Vvedenie v strukturnyi analiz povestvovatelnyh tekstov. In: Kosikov G. K. (ed.). Barthes R. Nulevaya stepen pisma. Moscow, Akademicheskii Prosrpk, 2008, p. 353–406. (in Russ.)
- Леви-Стросс К.** Структурная антропология. М.: Наука, 1985.
- Levi-Stross K.** Strukturnaya antropologiya. Moscow, Nauka, 1985. (in Russ.)
- Ожегов С. И.** Толковый словарь русского языка: около 100000 слов, терминов и фразеологических выражений / Под ред. Л. И. Скворцова. М.: АСТ, 2016.
- Ozhegov S. I.** Tolkovyi slovar russkogo yazyka: okolo 100000 slov, terminov i frazeologicheskikh vyrazhenii. Moscow, AST, 2016. (in Russ.)
- Сакаева З. Л.** Построение категориальных схем о правосознании с использованием теории динамических информационных систем // Сиб. филос. журн. 2016. Т. 14, №4. С. 141–152.
- Sakaeva Z. L.** Constructing Categorical Schemes of Legal Consciousness Using the Theory of Dynamic Information Systems. *Siberian Journal of Philosophy*, 2016, vol. 14, no. 4, p. 141–152. (in Russ.)
- Червонюк В. И.** Элементарные начала общей теории права. М.: КолоС, 2003.
- Chervonyuk V. I.** Elementarnye nachala obshchei teorii prava. Moscow, KoloS, 2003. (in Russ.)

Материал поступил в редколлегию

Received

01.03.2020

Сведения об авторе / Information about the Author**Сакаева Зарема Лаврентьевна**

старший преподаватель, Омский государственный аграрный университет
(Омск, Россия)

Zarema L. Sakaeva

Senior Instructor, Omsk State Agrarian University (Omsk, Russian Federation)

sakaeva_zarema@mail.ru